ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ВОКРУГ

Помещая очередные материалы к изучению биографии и творчества Вяч. Иванова (в 2021 г. минуло 155 лет со дня его рождения) и его литературного окружения, редакция отмечает также две невосполнимые утраты, которые понесла наука о русской литературе Серебряного века. 7 сентября 2020 г. скончался профессор Чикагского университета Роберт Бёрд (1969–2020), посвятивший Иванову ряд фундаментальных статей, книгу "The Russian Prospero: The Creative Universe of Viacheslav Ivanov" (2006), подготовивший несколько образцовых изданий. Прошлым летом, 25 июля, ушел из жизни Николай Всеволодович Котрелёв (1941–2021), многолетний сотрудник ИМЛИ РАН, один из руководителей «Литературного наследства». При всем энциклопедизме и многообразии интересов Николая Всеволодовича Вяч. Иванов на протяжении полувека оставался в центре его научных занятий; как никто иной, Н.В. Котрелёв много сделал для формирования современного академического иванововедения.

В подготовке данного раздела приняли живое участие Е.А. Тахо-Годи, Е.В. Глухова, Г.В. Обатнин.

Продолжение материалов данной рубрики — в следующем номере «Литературного факта».

Литературный факт.
2021. № 4 (22)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (22), 2021

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-225-251

К истории убийства: из комментария на «Автобиографическое письмо»

© 2021, Н.В. Котрелёв

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Подготовка текста и комментарии © 2021 Г.В. Обатнина
Приложения. Материалы из архива Литературного фонда. Подготовка текста и комментарии © 2021 К.А. Кумпан

Аннотация: Публикуется доклад Н.В. Котрелева 2016 г., посвященный новым материалам, раскрывающим жизненную ситуацию первой жены Вяч. Иванова, Дарьи Михайловны, и их дочери Александры спустя годы после церковного расторжения их брака в 1896 г. У дочери с годами развивалось психическое заболевание, и Вяч. Иванов, тяжело переживая описания течения болезни, обвинял себя в «убийстве» дочери. Пытаясь помочь потерявшей доходы первой жене, Вяч. Иванов обратился за субсидией и организационной поддержкой в «Литературный фонд», в письме на имя председателя которого Ф.Д. Батюшкова подробно изложил трагическое положение дел. Приводимые в приложениях к тексту доклада материалы из архива «Литературного фонда» (РО ИРЛИ РАН) документируют историю помощи находившейся в лечебнице дочери Вяч. Иванова.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, биография писателя, «Литературный фонд», архивные материалы, литературный быт.

Информация об авторах: Геннадий Владимирович Обатнин — PhD, доцент Отделения языков Гуманитарного факультета Хельсинкского университета, P.O. Box 24 00014, Финляндия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9216-8684 E-mail: gennadi.obatnin@helsinki.fi

Ксения Андреевна Кумпан — младший научный сотрудник Группы по изданию сочинений В.И. Иванова при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kumpan1947@gmail.com

Для цитирования: *Котрелев Н.В*. К истории убийства: из комментария на «Автобиографическое письмо». Подготовка текста и комментарии Г.В. Обатнина. Приложения. Материалы из архива Литературного фонда. Подготовка текста и комментарии К.А. Кумпан // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 225–251. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-225-251

Доклад, расшифровка которого предлагается здесь вниманию читателей, прозвучал 7 апреля 2016 г. на конференции «Музыка — философия — культура: “Родное и вселенское: К 150-летию Вячеслава Иванова”» в библиотеке «Дом А.Ф. Лосева». Уже тогда он чрезвычайно заинтересовал не только выбором свежего сюжета — это было неизменным свойством всякого доклада Николая Всеволодовича — но и бескомпромиссностью оценок, своей собственной работы в том числе. Она среди прочего отразилась в первой части заглавия, хотя стоит помнить, что свой развод с первой женой сам Иванов в «Разговорах» с М.С. Альтманом (которые, напомним, впервые также были опубликованы докладчиком) назвал именно убийством, так как ее жизнь, по его словам, впоследствии оказалась разбитой.

Рассказ ученого был ограничен временными рамками жанра, поэтому за его пределами осталась бо̀льшая часть процитированного в конце доклада письма Вяч. Иванова к Ф.Д. Батюшкову, которую мы позволили себе через отчеркивание подверстать к докладу. Далее в приложении в форме монтажа представлены фрагменты документов Литфонда, которые дополняют и уточняют весь сюжет. Они, как и указанное письмо, были разысканы и подготовлены К.А. Кумпан по просьбе самого Николая Всеволодовича и находились в его распоряжении во время работы над докладом. В монтаж, в соответствии с хронологией, введены также два письма Батюшкова Иванову, которые дополняют сюжет доклада; они были подготовлены докладчиком и пересланы Ксении Андреевне для задуманной совместной публикации. Кроме того, М. Вахтель любезно поделился с нами копиями цитировавшихся писем Дмитревской, которые также были в свое время доставлены ему докладчиком. Наконец, остается добавить, что эта публикация вообще стала возможной благодаря помощи организатора конференции Е.А. Тахо-Годи, предоставившей аудиозапись доклада, при расшифровке которой в меру возможного были сохранены особенности устной формы.

В своем интервью внуку, данном для образовательного сайта «Арзамас», Николай Всеволодович сознался, что еще со школы любил декламацию; прослушать еще раз его выступление доставило истинное удовольствие.

Вообще говоря, уважаемые коллеги, можно было бы мое выступление свести к минутам трем-четырем, ибо смысл его — комментарий к двум комментариям. А читать все остальное — тем более, ну разве что «днесь главизна нашего спасения»[1]. Все остальное настолько мрачно и тяжело, что, может быть, лучше было бы, если бы эти письма не сохранились.

---

[1] Перифраз тропаря на праздник Благовещения: «Днесь спасения нашего главизна, и еже от века таинства явление: Сын Божий Сын Девы бывает, и Гавриил благодать благовествует: тем же и мы с ним Богородице возопиим: радуйся Благодатная, Господь с Тобою».

Так вот первое примечание. Давно уже, в 1993 г., в «Ежегоднике Пушкинского Дома» Ольга Александровна Кузнецова напечатала письмо Вяч. Иванова к Венгерову, в котором пишется, в частности: «Только что выслал в Литературный фонд на Ваше имя двести рублей, каковые вместе с прежде высланными на имя Ф.Д. Батюшкова ста рублями составляют триста р<ублей>. Эти деньги, как Вы несомненно знаете от Ф.Д. Батюшкова, идут на погашение текущего долга моего перед Л<итературным> фондом, который великодушно заботится о живущей в Харькове моей дочери от первого брака, психически больной, и — я надеюсь — поддержит ее и мать, по мере нужды, и в будущем»[2]. Комментарий должен был бы быть, по крайней мере, внятным, не переходящим на «Федор Дмитриевич в это время председатель Литературного фонда, а Александра Вячеславовна Иванова, дочь от первого брака». По моим представлениям об обязанностях комментария, надо было сказать «мы не знаем», но это по умолчанию.

Второе примечание на примечание много горше для меня, потому что выставляет меня не просто умалчивающим, а фантазером. В публикации переписки Иванова с Горьким, где я комментировал также известный текст Горького о встрече с Вячеславом Ивановым, запись, опубликованную уже только в 50-х гг. В разговоре упоминалось, что Вячеславу очень понравился горьковский рассказ. И сейчас будет понятно, почему комментарий так начинается: «“Раннее слабоумие” — психиатрический термин, вошедший в научный обиход с середины XIX века. По каким-то соображениям тема заинтересовала Горького. <28 декабря 1925 года> он писал И.Б. Галанту, психиатру (который занимался среди прочего и психическими отклонениями своего корреспондента, толкуя их во фрейдистском ключе), отстаивая русские приоритеты в науке о поле и т. п.: «Вас не должно удивлять то, что я думаю <и> говорю об этих вопросах. Россия — больная душа, а я — бытописатель русский. Теперь позвольте спросить Вас: читали Вы мой рассказ “Голубая жизнь” в книге “рассказы 22–24 гг.” если читали,— скажите, похоже ли заболевание Миронова на Demenzia praecox? Вячеслав Иванов убеждал меня, что это весьма точная картина именно этой формы душевного заболевания, [но я не очень верю] <…> В ответном письме И.Б. Галант ивановского диагноза не поддержал «уже хотя бы потому, что

---

[2] Письмо от 26 мая 1916 г. (Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 98). Факт получения этих денег С.А. Венгеров огласил на заседании Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым 7 июня 1916 г. (см. приложение X)

она (болезнь. — *Н.К.*) — неизлечима, а в конце говорится о полном выздоровлении»[3]. И после этого я публикую, где был опубликован этот кусок переписки Горького, письмо редактора книги[4], который рассказал мне историю термина dementia praecox, шизофрении, и так далее, но я не имел права, вероятно, ни комментарий этот писать, ни текст комментировать вообще, поскольку в тот момент я еще не читал тех текстов, которые сейчас зачту вам. Думаю, что, вообще говоря, должен быть некий ареопаг, который должен разрешать публикации ученым как молодым, так и стареющим, чтобы не получалось тех ляпов или упущений, которые допустил Н.В. Котрелев.

Та страшная история, о которой я говорю, имеет перед своим апогеем вводную информацию. 10 ноября 1909 г. Дарья Михайловна Иванова, жена Вяч. Иванова, состоящая с ним в официальном, церковном разводе (в это время в России никакого гражданского развода не было, как не было и гражданского брака, и когда пишут, что Марья Федоровна Андреева — это гражданская жена Горького, как у Гоголя написано, «наплюйте им в глаза», она сожительница, потому что гражданского брака в России не было, гражданский брак — это брак, заключенный в мэрии, то есть в секулярном некотором ЗАГСе, а все остальное — прелюбодеяние, недаром в Америке Горького не поселили с Марьей Федоровной в одном номере. Горький был так оскорблен Америкой, Америка еще была приличной страной).

Дарья Михайловна пишет в ноябре, 10 ноября 1909 г.: «Дорогой Вячеслав!» — это письмо — чуть не первое после периода развода, Дарья Михайловна была очень гордая женщина и никаких отношений, в общем, не хотела[5]. «Так как ты не ответил на письмо Шуры, посланное в ответ на твою телеграмму, то я поручила Ир.<ине> Льв.<овне> О.<всянико>К.<уликовской> спросить у тебя, на что Шура может рассчитывать с твоей стороны, если попадет в Петер-

[3] Цитируется обширное примечание из своей работы: [4, с. 585].

[4] Под редактором имеется в виду А.Е. Барзах, который в своем дополнении высказывал предположение о глубоком знакомстве Иванова с психиатрической литературой [4, с. 586].

[5] В дневнике от 5 июня 1906 г. Иванов после получения письма от Д.М. Дмитревской оставил примечательную ввиду дальнейшего сюжета запись: «Письмо от Даши о планах устройства дочери на строительных курсах в Москве — длинное, рассчитано сухое, так неприятно напоминающее и стилем и почерком и умственными идиосинкразиями и аномалиями ее мать. Это семья безнадежно дегенерирующая. Опять в душе от харьковцев смута, какая-то тупая обида, недоуменная безвыходность, но при этом отсутствие волнения сердечного...» (*Иванов В.И.* Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 746, далее сноски на это издание даются с указанием номера тома и страницы).

бург[6]. Мы обе — она и я очень обрадовались, получив письмо И.Л. и узнав о твоем отношении к ней. Я считаю это ненормальным, чтобы дочь не видала так долго своего отца, и я много раз советовала ей поехать в Петербург, но у ней мало было энергии, чтобы предпринять эту поездку. Теперь она совершеннолетняя и не видала еще столицы, и ей, как человеку молодому, все интересно. Теперь идут лекции в университете, удобнее поехать в половине Декабря[7]. Кроме того, она служит ученицей на телеграфе, не знаю, на сколько времени удобно будет ей уехать. Относительно выбора занятий она самостоятельна. Остановится она, конечно, у тебя, но будет платить за себя свою часть, которая на нее пойдет в хозяйстве». Дарья Михайлова была очень пунктуальный и аккуратный человек. Когда она принесла стихи Вячеслава Иванова Соловьеву с просьбой почитать, она сказала, а я Вам отработаю время, которое Вы потратите на чтение, я долго жила за границей и знаю, как ценится время[8]. А тут вот и родному отцу не позволяет кормить дочь.

Тут возникает вечный вопрос о соотношении наших знаний с «Введением» в четырехтомник Ольги Александровны Шор. Она пишет где-то в комментариях, что дочь Саша оказалась неконтакт-

---

[6] Дату этой беседы можно определить косвенным образом по письму И.Л. Овсянико-Куликовской к Иванову от 18 октября 1909 г. с информацией, что она имеет поручение от Д.М. Дмитревской и просьбой сообщить, когда она может застать Иванова дома. Во втором из сохранившихся ее писем, датированном декабрем того же года, она писала: «В ответ на мое письмо Дарья Михайловна выразила большое удовольствие, что Вы отнеслись так сердечно к Шуре. Вы, вероятно, уже знаете из писем Шуры, что она поступила на высшие курсы и собирается приехать повидаться с Вами на праздник» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 32. Ед. хр. 28. Л. 3, пользуюсь случаем выразить благодарность А.Л. Соболеву за предоставление этих материалов). Супруг Ирины Львовны, известный харьковский литературовед, в том же году, что и Ивановы, переехавший в Петербург, по крайней мере, один раз был на «башенной» среде 5 октября 1905 г. во время знакомства ее жителей с кружком «реалистов». В отчетном письме Л.Д. Зиновьевой-Аннибал его имя появляется в значимом контексте: «Наконец я спросила, можно ли мне говорить. И, получив разрешение, при гробовом молчании сказала медленно и очень отчетливо: «Я хотела возразить против мнения Дмитрия Николаевич<а> (Овсяник<о>-Кул<иковский>, очень меня не любящий за Дарью Михайловну, и очень глупый, позитивист à outrance)» [1, с. 134].

[7] Очевидно, имеются в виду Харьковские Высшие женские курсы, официально открытые весной 1907 г., где А.В. Иванова училась на юридическом факультете.

[8] Встрече Дмитревской с Соловьевым в начале лета 1895 г., в частности, была посвящена отдельная статья докладчика, где был помещен фрагмент из ее письма к Иванову с рассказом об этом событии: *Котрелев Н.В.* К истории «Кормчих звезд» // Русская мысль. 1989. №. 3793. 15 сентября. С. 11; кроме того, позднее им было опубликовано еще одно письмо Дмитревской, уже 1932 г., с воспоминаниями о том же посещении [3, с. 279–280]. Ученый также возвращался к этой теме в своих докладах (например, на конференции «Символ и миф у Вячеслава Иванова и Андрея Белого», Смоленск, 2018).

ной, вялой и так, как будто ее и нет[9]. Существенно важно, что к этой теме она больше толком не возвращается, то есть это говорит о том, что в том кругу, семейном кругу, в котором Ольга Александровна знала Вячеслава, тема, вероятно, была или табуирована, или подана смягчающим образом.

Интересно в этом письме, что пишет дальше Дарья Михайловна уже о себе: «Что касается до меня лично, то я никакого поручения Ир.<ине> Льв<овн>е не давала. Мне кажется, что жить так, как мы живем теперь, это самое лучшее для тебя, для меня и для Шуры. У ней есть отец и мать, где ей будет лучше, там она и будет жить. У меня нет ни малейшей злобы ни на тебя, ни на Лидию, я выше всего ценю теперь спокойствие и избегаю волнений. Жизнь свою я менять не желаю, даже на лучшее. Будь Шуре теперь 8 лет, может быть, и было бы лучше сделать перемену для нее, хотя я и с этим не согласна, но может быть, со стороны (Ир. Льв.) так кажется. А теперь зачем? Она выросла, у ней своя жизнь, свои будут встречи и своя судьба. Светлые воспоминания юности у нас пусть остаются и дальше, но к чему нам устраивать свидание, дергать нервы (я про себя говорю) и тратить время и деньги. Лучше ей иметь отца и мать здоровых, живущих врозь, чем мать нервнобольную, п. ч. я думаю, что свидание на меня плохо подействует» и т. д.[10]

Это — 1909 г., после этого, кажется, долгое время никаких писем от Дарьи Михайловны к Вячеславу Ивановичу нет, потому что она больше всего не хотела именно контакта, как сказано. Но 18 июня 1914 г. Вяч. Иванов получает еще одно письмо из Харькова:

[9] В предисловии О. Дешарт пребыванию Саши в Петербурге уделен целый абзац. Ее отсталость, вялость и равнодушие биограф объясняла перспективой будущей болезни: «Возможно, что недоразвитость Саши была симптомом наследственной в семье Дмитриевских шизофрении. Еще до Октябрьской революции Александра умерла от мозгового заболевания» (I, 177).

[10] НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 31. Л. 51–52. Добавим к этому, что отношения между отцом и дочерью возобновились после того, как она письмом от 29 августа сообщила о случившейся чуть ли не полгода тому назад смерти бабушки, о чем Иванов оставил запись в дневнике от 31 августа 1909, а на следующий день даже размышлял о возможной поездке в Харьков (II, 797–798, само письмо см.: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 18. Л. 55). Но все закончилось приездом А.В. Ивановой на «башню», где она жила по крайней мере с конца декабря 1909 г., возможно, проведя с отцом Рождество (ср. выше в письме И.Л. Овсянико-Куликовской упоминание праздника, а также информацию о ее приезде в письме М.В. Сабашниковой к А.М. Петровой от 24 декабря, см.: [6, с. 238], по середину января 1910 г. (см. запись в дневнике Кузмина от 31 декабря и комментарий к ней: [5, с. 198, 661].

Вячеслав,

Нас с тобою постигло большое горе: Шура психически заболела и 6ро докторов говорят в один голос, что ее необходимо поместить в лечебницу и чем скорее, тем лучше, п. ч. ухудшение в ее болезни замечается с каждым днем все явнее. Но я не решаюсь сделать это, не спросив тебя, не спросив на это твоего согласия.

Напишу о ней более подробно: по окончании гимназии она категорически отказалась быть учительницей и желала иметь конторскую работу, но куда я ее ни помещала, она очень скоро бросала занятия, п. ч. не могла работать, это я поняла постепенно. В последний раз она служила 4 ½ месяца в угольном комитете, сама ушла в ноябре прошлого года и с тех пор она ничего не делала. У ней проявились странности, желание уединения, но все это постепенно и поэтому для меня незаметно. В прошлом году она имела сильную инфлуэнцу, но выходила ежедневно, и на одно ухо стала хуже слышать. В этом году 28 января я пригласила *доктора Давиденкова.* Он приват-доцент Харьк.<овского> универс.<итета> и директор нервной клиники при харьк.<овском> женском медиц.<инском> институте. Он пришел к нам неожиданно для нее, поэтому она не ушла, а из вежливости говорила с ним, он ее выслушал и спросил, не было ли у ней какой-нибудь болезни легких. Я потом была у него, и он сказал мне, что у ней с самого рождения «конституциональная аномалия психики», что она никогда не будет способна нигде служить и что будет такая всю жизнь, как и теперь, что он советует написать тебе, чтобы ты присылал мне денег на то, чтобы около нее иметь особое лице или фельдшерицу, п. ч. такую больную лучше не оставлять одну. Я ему не поверила, п. ч. слишком привыкла к ее странностям. В конце Марта у ней была и в этом году инфлуэнца и она опять ежедневно выходила, и в Апреле и Мае ей стало много хуже, даже очевидно для меня. Я пошла к *д-ру Андресу,* у кот. здесь своя клиника по нервным болезням. Он сказал мне, что, судя по моему рассказу, она неизлечимо больная, в будущем ей будет все хуже, она измучает окружающих, болезнь у ней наследственная — она вырождение, болезнь эта начинается в 19 лет и прогрессирует, пока не дойдет до слабоумия, все равно рано или поздно, но она попадет на Сабурову дачу, лучше раньше ее туда поместить, пока она чего не натворила. Потом я пригласила к себе *д-ра Гаккебуша* — помощника главного врача при психиатрической клинике на Сабуровой даче, т.е. это ходячее название, но это больница Харьк.<овской> губернской земской управы[11]. Шура при

[11] Существует с 1812 г., когда генерал П.Ф. Сабуров, занимавший должность губернатора области, завещал свою усадьбу дому умалишенных и неизлечимо

нем ушла, сказав, что она вполне здорова, но он внимательно смотрел на нее, видел, как она рассердилась, долго потом сидел и говорил со мной и с Марьей Ивановной Нечаевой[12], которую я просила приехать, чтобы помочь мне. Он сказал, что ее болезнь — Dementia praecox, т. е. раннее слабоумие, ее можно замедлить, но не излечить, ей в больнице будет лучше, чем дома, п. ч. ванны ее там успокоят, вообще больную нельзя оставлять без лечения, у нее могут быть буйные проявления, опасные для окружающих, пока она еще владеет собою, но это может скоро окончиться.

Дальше диагноз dementia praecox повторяется неоднократно, и вот почему я должен был это сказать в комментарии к разговорам с Горьким, но, увы, я этого тогда не читал. Важны не только многочисленные страшные описания болезни и условий содержания в больнице и так далее, это, может быть, лучше прочесть в одиночестве и не в библиотеке, но важны биографические обстоятельства. Во-первых, «Я тебе писала в Сент.<ябре> этой зимой на курсы Раева, но не получила ответа. Я в письме предлагала описать нашу жизнь с Шурой за все эти годы в Харькове. Относительно переписки дело обстоит так: Шура писала тебе много открыток и дамам» (то есть М.М. Замятниной и В.К. Шварсалон) «с яйцами к Пасхе поздравительных и не получила ни от кого ответа»[13]. Тогда она рассуждала так: «Вячеслав не ответил, ему некогда, он придает значение только свиданию и приглашал меня, когда я захочу, к нему поехать жить, а писать ему некогда. И на этой мысли она совершенно успокоилась». Дальше я буду читать куски: «В общем за 9 лет она служила месяцев 7-8 и то почти все даром, п. ч. в начале не плотят жалованья на многих службах». Далее очень интересный момент, связанные с ответом на вопрос, на что жил Вячеслав Иванов и как люди жили. «Моя жизнь стала вдвое тяжелее с 1905 года, т.е. с тех пор, как ты перестал

больных; ныне 15-я клиническая городская психиатрическая больница. Упоминаются известный невропатолог С.Н. Давиденков (1880–1961), который в дальнейшем занимал должность ректора Бакинского университета в годы, когда там начал работать Иванов, доктор Л.И. Андерс, имевший Лечебницу для нервных больных по адресу Чернышевская 17, и В.М. Гаккебуш (1881–1931).

[12] Двоюродная сестра Д.М. Дмитревской, письма от нее к Иванову и Л.В. Ивановой, в том числе от 3 августа 1933 г. с сообщением подробностей ее кончины, см.: РАИ. Оп. 5. Карт. 8. Папка 9 (http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-5/karton-08/p09/op5-k08-p09-f01.jpg).

[13] В архиве Иванова сохранились три таких письма (еще сводной сестре), имеющие одну и ту же дату 18 апреля 1910 г. (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 20–22), ею же отмечена поздравительная открытка отцу: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 18. Л. 63 (добавим, что еще одну она послала через год, 10 апреля 1911, справкой об этом материале мы также обязаны А.Л. Соболеву).

присылать помощь на Шуру. На присылаемые тобою деньги я жила спокойно летом и отдыхала. А с 1905 г. стала по летам мучиться душою. Хотелось сохранить то немногое, что осталось, себе и Шуре, а приходилось ежегодно проживать из капитала и уменьшать %% в будущем». То есть у Дарьи Михайловны был по наследству от родителей небольшой капитал (может быть, хватит времени для уяснения этого), и она округляла не столько процентами свою нищенскую заработную плату, поскольку в секулярном обществе жена должна себя содержать, и мы сейчас услышим, как она себя содержала, но и она должна была часть ренты постоянно продавать. «Я служу уже 13 лет в гимназии и, не имея высшего диплома, получаю по 30 р. за годовой урок. За 17 ур.<оков> в неделю я получаю 510 р. в год». Александр Львович говорил, когда Вячеслав Иванов уехал из Петербурга, с «башни», он ее сдавал за сто рублей в месяц[14], а тут 510 рублей в год, «из них 10 р. идут на пенсию», то есть пенсионный взнос. «В гимн.<азии> бываю от 9 до 12. От 3½ до 8 или 9 я хожу по домам и даю частные уроки, п. ч. Шура не выносит музыки дома. Плата тоже небольшая. Заработать на 2х почти невозможно. В гимн<азии> летом не платят. В июне и июле я ничего не получаю, а в августе и Сент.<ябре> получаю по 50 р. только из гимназии. Частн.<ые> ур.<оки> муз.<ыки> кончаются в мае и начинаются в Сентябре. Летом живу на %%, но их не хватает, закладываю что можно, а в конце концов ежегодно приходится продавать из капитала, п. ч. неоткуда взять. Я иногда думала летом брать место гувернантки, но нельзя было Шуру, да и маму оставить одну, да и страшно лето не отдохнуть, вдруг сил не хватит потом на зиму, да и гуверн.<анткой> я никогда не была. Такой порядок вещей тянулся, кажется, 9 посл.<едних> лет. Конечно, Шура не помогала мне, в этом главная причина моего банкротства. Леля после мамы ничего не взял, но помогать мне не может» (Леля — это тот самый Алексей Дмитревский, ближайший друг Вячеслава Иванов, от дружбы с которым и получился брак с Дарьей Михайловной) «он получает 100 р. в месяц и все уходит на жизнь и лечение», он же туберкулезный, страдает и живет в Крыму, именно потому что климатические условия московской жизни ему оказались невозможны, и вся ученая карьера рухнула; «теперь он пишет, что у него начинается артериосклероз и едет куда-то лечиться. Работает зиму с утра до ночи и сильно устает. Он служит в Симферо-

[14] Докладчик ссылается на прозвучавший в той же секции доклад А.Л. Соболева «“Зубовская обитель”: к описанию московских адресов Вячеслава Иванова», где в цитате из письма М.М. Замятниной к Л.А. Недоброво упоминалась сумма, которую Ивановы платили за «башню» (115 руб. в месяц). Доклад вырос в статью, упомянутое письмо см.: [2, с. 314].

поле помощником секретаря городской управы. <…> Болезнь Шуры состоит в галлюцинациях зрения, она видит лица, которых нет, в галлюцинациях слуха, — она слышит голос дворника день и ночь, когда этого нет, в последнее время появляются бурные проявления гнева, пост.<оянно> разбивает посуду и ревнует живых лиц к лицам, кот.<орых> видит в галлюцинациях.

Москва — столица, может быть, там есть лучшие лечебницы» и, может быть, туда устроить Шуру и так далее. То есть уже в этом первом письме — катастрофа, однако в Москве решают проверить, и в Харьков отправляется Марья Михайловна Замятнина. Есть две ее открытки из этого путешествия, к Вере Константиновне: «Поздравляю Димушку, дорогого мальчика, крепко целую. Очень хотела бы сегодня же снарядить Вячеслава, да навряд ли он уедет» (Вячеслав еще коснеет в Москве, Марья Михайловна едет в поезде, чтобы его отправить в Петровское-на-Оке) «буду сегодня в пять часов в Москве. Шура едет с Дарьей Михайловной на дачу под Харьковом, к нам во всяком случае не приедет ни летом, ни зимой, а попозже, может быть, ее надо будет направить к Любе» (еще один психиатр) «подробно все расскажу, целую, Маруся». И вторая: «Пишу еще открытку, хоть одна из двух придет завтра, как поздравительная с Димушкой[15], вопрос о помещении Шуры уже отрицательно решен. Дарья Михайловна до моего приезда под влиянием совета нового доктора брать Шуру доктору ни в коем случае не советует».

Дальше начинается уже трудная вещь для любого рассказа. Батюшков пишет 19 января 1916 г., когда Саша (Шура) уже давно и безвыходно и навсегда в сумасшедшем доме, в жутких условиях[16]. Батюшков, Федор Дмитриевич, пишет:

---

[15] Замятнина волнуется, чтобы Д.В. Иванов без опоздания получил поздравления к своему дню рождения 17 июля.

[16] О развитии и состоянии болезни Саши известно из писем Дмитревской от 12 июля/6 сентября и 20 декабря 1915 (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 31), о которых докладчик за неимением времени не упоминает. Все они ждут своего часа, однако уже сейчас стоит сказать, что в каждом содержится просьба о денежной помощи любого объема, а также сетования на отсутствие ответных писем. Поэтому второе из ее писем (которое упоминается в ивановском ответе Батюшкову, см. далее) было послано в редакцию «Русской мысли», и в нем Дмитревская рассказывала об обстоятельствах помещения Саши в частную лечебницу Я.Я. Трутовского, причем прилагались квитанции об уплате. Здесь же обсуждалась возможность перевода ее в земскую, т.е. существенно более дешевую больницу (Сабурова дача), условия содержания в которой, в том числе питание, тогда ей показались куда хуже. После смерти Трутовского (о чем Батюшков сообщал Иванову, см. приложение VII), заведовать лечебницей стал ее бывший директор доктор А.П. Раппепорт. С марта 1916 г. А.В. Иванова, получившая поддержку на недолгое пребывание в лечебнице Трутовского, была переведена на Сабурову дачу (см. приложение X).

> «Многоуважаемый Вячеслав Иванович,
>
> Позвольте надеяться, что Вы не откажете в Вашей санкции одному доброму делу, которое не может быть исполнено без Вашего ведома и согласия.
>
> Дело в следующем: одно лицо, близкое Комитету Лит. Фонда и в то же время имеющее отношение к Харькову[17], внесло заявление в Комитет о том, что Ваша дочь от первого брака помещена в лечебницу, но ее мать не обладает достаточными средствами, чтобы платить за нее, поэтому желательна помощь Комитета Лит. Фонда, как дочери “видного писателя, мыслителя и ученого”»[18].

Начинается целая история, и если первые письма, так сказать, изданы, они доступны уже десятилетиями в РГБ, еще даже в ГБЛ[19], то это письмо, кажется, еще недоступно, поскольку из необработанного фонда. И начинается целая история с Литературным фондом, подробности очень четкие в протоколах: до 1905 года Вячеслав Иванов высылал на воспитание дочери рублей 300 в год, а с пятого года прекратил высылку, теперь его несчастной дочери 27 лет. Но наконец, и сам Вячеслав Иванов пишет Батюшкову, и это отложено в протоколах Литфонда[20]. Этим письмом я закончу, поскольку оно ставит очень сложные вопросы по поводу швейцарского капитала:

> «Многоуважаемый Федор Дмитриевич,
>
> Благодарю Вас за Ваше доброе письмо и прошу Вас передать мою глубочайшую благодарность комитету Лит.<ературного> Фонда за его великодушную готовность поспешить на помощь моей дочери и ее матери. Прежде чем ответить на Ваш запрос, позволю себе некоторые предварительные разъяснения». Почему так глубоко нужно подавать в публичном заявлении историю своих отношений, денежных, тоже довольно трудно понять. «Общее положение было

---

[17] Речь идет о Д.Н. Овсянико-Куликовском, письмо которого к Ф.Д. Батюшкову было оглашено на заседании Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым 18 января 1916 г. (см. приложение I).

[18] Цитата отсылает к пассажу из того же письма Д.Н. Овсянико-Куликовского, где Иванов назван: «знаменитым поэтом, мыслителем и ученым», который, имея третью семью, не может помочь больной дочери (см. приложение I).

[19] Девять писем Батюшкова к Иванову см.: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 13. Фонд Иванова в РГБ разбирался в том числе Ю.П. Благоволиной (1928–2005), и Н.В. имел доступ к его документам еще до появления описи, о чем не раз публично упоминал.

[20] Это письмо Иванова датировано «24 января 1916 г.», с обратным адресом «Москва, Зубовский б.<ульвар> 25». Оно было приложено к протоколу заседания от 7 марта (приложение VI).

таково. Я женился в 1886 г. (двадцати лет от роду) на Дарии Михайловне Дмитревской. Дочь, Саша, родилась у нас в 1887 г. В 1896 г. мы были разведены. Я женился на Лидии Дмитриевне Зиновьевой (по первому ее браку — Шварсалон). Дочь моя от Л.Д., по имени Лидия, живет со мною. Материальное положение Дарии Михайловны во время развода казалось вполне обеспеченным. Мать ее, за все года нашего брачного сожительства, присылала ей деньги. Это были доходы с числившихся за нею 20.000 р.<ублей>(+ маленькое наследие в 2 или 3 тысячи). Из этого капитала было взято на семейные нужды за время нашего брака до 7 тысяч рублей». Независимо от собственных заработков и капиталов Вячеслава Ивановича. «У Д.М. есть брат (мой давний гимназический и университетский товарищ и близкий друг); он должен был, по словам их матери, получить такую же долю, как его сестра; равную же долю оставляла себе их мать» (то есть 60 тысяч). «Несомненно, впрочем, что она сильно преувеличивала семейный достаток Дмитревских» (Дарья Михайловна пишет Иванову, что Леля отказался от своей доли наследства в ее пользу). «Во всяком случае, им принадлежал дом в Москве на Остоженке, проданный еще до нашего развода — кажется, за 40 тысяч — дешевле, чем мать Д.М. первоначально рассчитывала. Сашу, нашу дочь, Д.М. хотела, по разводе удержать при себе и самолично ее воспитывать. В течение ряда лет мы с Лидией Дмитриевной посылали на воспитание Саши деньги, которые брались из содержания, получаемого Лидией Дм. от ее семьи. В 1907 г. семья Зиновьевых разорилась» (не в пятом!). «В том же году Лидия Дм. умерла. От семьи Зиновьевых дети Л.Д. от первого брака и наша дочь Лидия получают по сей день 50-рублевую месячную ренту каждый. Моя денежная помощь харьковцам прекратилась за совершенною невозможностью помогать им. Легче было держать Сашу при себе в своем доме, что было мне, само по себе, очень желанно, как и моей покойной жене; но все наши предложения отпустить Сашу к нам, хотя бы по достижению ею зрелого возраста, были отклонены. Однажды, впрочем, уже по смерти Л.Д., Саша короткое время гостила у меня в Петербурге. Это была единственная возможность ее увидеть; ибо за все время после развода Д.М. неуклонно выражала настойчивое желание не встречаться со мною, и Харьков стал для меня безусловно запретным. Мать Д.М. через несколько лет после развода умерла. Она любила детей своих всецело и нераздельно; брат Д.М., человек холостой и аскетического типа, также предан ей беззаветно. Полтора года тому назад было послано мною в Харьков лицо, близкое нашей семье (Марья Михайловна Замятнина), чтобы ознакомиться с положением

дел, в виду проявленных Сашею симптомов душевного заболевания. Общая характеристика материального положения матери и дочери, сделанная Марьею Михайловною (которую Д.М. вполне во все не посвятила), показалась мне скорее успокоительной — в том смысле, что о насущной крутой нужде речи не было; тяжело было лишь то, что Д.М., в качестве учительницы музыки, принуждена трудиться не покладая рук. Помощь с моей стороны была, без сомнения, крайне желательна, но средств на то у меня решительно не было. В настоящее время на мне 3000 р.<ублей> долга литературного (в форме авансов, забранных у издателей) и до 1000 р.<ублей> долга [частным] знакомым».

<Продолжение письма Батюшкову, опущенное в докладе>

«В последнем письме (от 20. XII.), пересланном, в виду сомнения в действительности моего постоянного москов.<ского> адреса через редакцию одного журнала и попавшем в мои руки лишь недели две тому назад, т.е. уже в январе[21], Д.М. подробно сообщает мне о болезни дочери, об устройстве ее в больницах и наконец пишет следующее: «Цель моей жизни было ее воспитание и образование. Теперь целью стало обеспечить ее материально настолько, чтобы ей не пришлось после моей смерти перейти в бесплатное отделение (теперь временно она будет там, где плохо). Для достижения этой цели Леля (брат Д.М.) хочет застраховать свою жизнь в пользу Саши, но он не может платить один за свою страховку, я буду платить по мере сил и хочу попросить Н*-ых[22] помогать нам. Напиши, будешь ли ты помогать платить страховку или откажешься». Письмо кончается словами: «Очень прошу прислать мне ответ поскорее. Если до 1 января я не получу известия, то я буду понимать это так: что ты отказываешься ей помогать». — При моей неосведомленности о реальном положении дел Д.М. (вообще очень запуганной жизнью с эпохи развода), я, признаюсь, не вычитал из приведенных слов [немедленного] призыва к немедленной помощи в крайней нужде, но тем не менее придал им надлежащее значение и уже собирался посылать в Харьков 100 р.<ублей>, мною добытых для этого, с обещанием возобновить посылку через некоторое время, — когда получил Ваше письмо, меня глубоко изумившее и огорчившее. Неожиданностью

---

[21] Имеется в виду «Русская мысль», см. примеч. 16.

[22] Возможно, имеются в виду Нечаевы, фамилию которых Иванов не хотел оглашать.

было для меня обращение через третье лицо от имени Дарьи Михайловны к Лит.<ературному> Фонду; неожиданностью и та крайняя нужда, которая несомненно продиктовала это решение. Простите длинное объяснение: оно казалось мне уместным, чтобы оправдать уродливость положения, ставящего Фонд перед проблемою сироты при живых родителях. Мое безучастие к судьбе моей дочери, которое является, очевидно, предпосылкою обращения к Фонду без моего ведома, мне кажется, не может, во всяком случае, быть признано безусловным, и степень относительности этой квалификации моих отношений к прежней моей семье мне важно подчеркнуть перед лицами, принимавшими участие в возбужденном деле.

Обдумав наиболее целесообразный образ действий, я счел себя, при данных сложных и деликатных условиях, прежде всего не в праве препятствовать отказом в своей санкции мерам, принимаемым Дарьей Михайловной для борьбы с крайнею, очевидно, нуждою, ибо я фактически не помогал ей и дочери за долгий ряд лет и даже не в достаточной мере об их положении осведомлен, а новою помощью замедлил и о самом решении своем на нее Дарью Михайловну еще не известил; с другой стороны помощь Л.<итературного> Фонда ей, должно быть, не представляется неудобной. Итак, я решаюсь, в виду великодушной готовности Фонда, предоставить ему оказание помощи Дарье Михайловне для ее и моей дочери, тем более что таковая может быть более обеспеченной, чем малая моя; те же деньги, которые бы я выслал Дарье Михайловне немедленно, направить в Фонд в качестве аванса по покрытию долженствующего обременить меня перед ним долга. Почему, многоуважаемый Федор Дмитриевич, позволю себе выслать на Ваше имя для передачи Фонду сто рублей, коими теперь располагаю для Харькова; это аванс по уплате долга за помощь моей больной дочери. Кроме того, присоединяюсь к ходатайству о воздействии со стороны Фонда в цели достижения льготных условий помещения моей дочери в больнице. Для полноты осведомительной части письма прибавлю, что надеюсь помочь маленькими взносами собиранию страховых денег, о которых пишет Дарья Михайловна.

Примите, многоуважаемый Федор Дмитриевич, выражения моего глубокого уважения в сердечной признательности.

Преданный Вам

Вячеслав Иванов[23].

---

[23] Черновик этого письма см.: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 5.

Приложения

I.

Журнал заседания Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым[24]

18 января 1916 г.

№ 9

Председательствовал: Ф.Д. Батюшков.

Присутствовали: М.И. Ганфман[25], Р.В. Иванов-Разумник, Н.А. Котляревский, Л.Ф. Пантелеев, А.В. Пешехонов, П.Н. Сакулин, Ек.П. Султанова

Слушали:

……………………

5. Письмо Д.Н. Овсянико-Куликовского, за дочь от первого брака Вяч. Иванова, душевно-больную и без всяких средств.

Определили:

Утвердить

…………………

<5.> Поручить Ф.Д. Батюшкову снестись с Вяч. Ивановым[26], разрешив председателю в случае спешности выдать 150 руб.

……………………

<**Письмо Д.Н. Овсянико-Куликовского Ф.Д. Батюшкову**>

9 января 1916
Гончарная, 22

Дорогой Федор Дмитриевич!

Обращаюсь к Вам с просьбою — довести до сведения Комитета Лит. Фонда содержание сего письма.

Ко мне обратилась моя старинная знакомая, живущая в Харькове, Дарья Михайловна Дмитревская-Иванова, прося похлопотать в Л. Фонде и в Ак. Комиссии о том, чтобы ее дочь, заболевшую тяжелою формою псих. болезни (определяется — dementia praecox), поместили в лечебницу на льготных основаниях и, кроме того, назначили ей рассроченное пособие на уплату в лечебницу. Ее права несомненны, ибо она — первая и законнейшая жена знаменитого поэта, мыслителя и ученого Вячеслава Иванова. Больная (Александра Вячеславовна Иванова) — законная дочь писателя, который,

[24] РО ИРЛИ. Ф. 155. Архив Литературного фонда (в обработке). В дальнейшем при цитировании документов из этой необработанной части архива мы не сочли нужным повторять ссылку на номер фонда.

[25] Ганфман Максим Ипполитович (1873–1934), журналист; после революции – главный редактор рижской газеты «Сегодня».

[26] См. письмо Ф.Д. Батюшкова Вяч. Иванову от 19 января 1916 г., приведенное в тексте доклада.

имея уже третью семью, не имеет возможности поддерживать первую и на просьбу жены ответил отказом, а на дальнейшие письма — молчанием. Супруги разошлись давно (кажется, в 1897 г.) — по вине «его», а не «ее». До 1905 г. Вяч. Иванов высылал на воспитание дочери рублей 300 в год, а с 1905-го прекратил высылку. Теперь его несчастной дочери 27 лет. Мать живет уроками, труженица, работающая не покладая рук, женщина добрая и достойная всякого уважения. Средств нет. Временно она поместила дочь в лечебницу д-ра Трутовского (в Харькове), где берут 150 руб. в месяц. Это ей не по средствам. Она просит помочь ей поместить больную в более дешевую лечебницу (в Петрограде или в Москве[)], или в другом городе), и [помочь] назначить пособие, хотя бы напр. 50 руб. в месяц, если нельзя больше.

Полагаю, что Комитет Л.Ф., как и Постоянная Комм. (куда также обращаюсь) найдет нужным сперва снестись с Вяч. Ивановым; но предвижу, что сей путь к цели не приведет (тут взятки гладки).

Не откажите дать делу надлежащий ход. Случай — трагический, положение безвыходное… Не откажите!

Ваш Д. Овсянико-Куликовский.

P.S. Д.М. Дмитревская-Иванова пришлет прошение, а пока — доложите Комитету мое письмо…

P.P.S. Вчера я Вам звонил, мне ответили, что Вы нездоровы и лежите. Надеюсь, ничего серьезного? От души желаю скорого выздоровления.

II.
<Обращение Д.М. Дмитревской>

В Комитет Литературного Фонда

Несчастье, меня постигшее, заставляет меня обратиться к Комитету Литературного Фонда с просьбою оказать мне возможную помощь, на которую я имею право рассчитывать — как жена весьма известного писателя, Вячеслава Ивановича Иванова. От него я имею дочь, которой теперь 28 лет. Она заболела тяжелой формой душевной болезни, которая требует помещения больной в лечебницу или санаторий. Дома держать ее нельзя. Средств для уплаты в лечебницу или санаторий у меня нет. Я живу уроками — в обрез. От мужа, с которым мы давно разошлись, помощи не жду. По крайней мере, на мою недавнюю просьбу он ответил отказом, и сколько я знаю, он в самом деле не имеет возможности помочь мне. Сейчас моя дочь находится в лечебнице доктора Трутовского, куда я плачу 150 руб. в месяц — из последних средств. Я обращаюсь в Литературный Фонд с усердною просьбою — устроить мою несчастную дочь в каком-либо более дешевом заведении для душевнобольных (напр. в Петрограде или в Москве) и назначить рассроченное пособие для уплаты за ее содержание

и лечение. Прилагаю медицинское свидетельство, выданное из лечебницы д-ра Трутовского.

Дарья Михайловна Дмитревская-Иванова.
1916 года, января 16го дня
Харьков. Госпитальская ул. 20, к. 6.

III.
Архив Постоянной Комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Императорской Академии наук. Протоколы совещаний Постоянной комиссии[27]

Протокол Совещания № 2
27 января 1916 г.

Присутствовали:
Председатель Комиссии: Н.А. Котляревский
Члены Комиссии, Академики: В.М. Истрин, Д.Н. Овсянико-Куликовский
Литераторы: А.А. Измайлов

Слушали:
Следующие лица просят о единовременном пособии:
……..
4. Дмитревская-Иванова, жена Вячеслава Иванова просит о единовременном пособии.
Постановили:
Отложить рассмотрение до наведения справок в Лит. Фонде.

IV.
Архив Постоянной Комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Императорской Академии наук. Журнал входящих бумаг 1914–1918 гг.[28]

1 февраля 1916 год

№	откуда прислана	содержание бумаги	день получения
……..			
21.	Иванова	Прош<ение>. о ед<иновременном> пособ<ии>	27 янв.

V.
Письмо Ф. Д. Батюшкова к Вяч. И. Иванову[29]

10 февраля 1916 г. Петербург.

[27] РО ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 25.
[28] Там же. Л. 26.
[29] НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 13. Л. 17–18.

10/II 16
Рыночная 4.

Многоуважаемый
Вячеслав Иванович,

Простите, что промедлил Вас уведомить о постановлении Комитета Лит. Фонда: в Харьков выслано 200 р.<ублей>, т. к. Вы пишете, что от себя посылаете 100 р.<ублей>, что и составляет 300 р.<ублей>. Вместе с тем возбуждено ходатайство о льготных условиях платы в Лечебницу. Если не удастся достичь понижения платы, то Комитет обратится в другую лечебницу. Я теперь вышел, отбыв свой срок, из состава Комитета, и новым председателем избран С.А. Венгеров, с которым Вам и придется сноситься в дальнейшем. Содержание Вашего письма сообщено Комитету и приложено к делам.

Искренно уважающий Вас
Ф. Батюшков.

VI.
Журнал заседания Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым

7-го марта 1916 г.
№ 15

Председательствовал: С.А. Венгеров.

Присутствовали: А.А. Жижиленко[30], Р.В. Иванов, Н.И. Кареев, Л.Ф. Пантелеев, А.А. Корнилов, А.М. Редько, П.Н. Сакулин, Ек.П. Султанова, Н.С. Русанов[31]

Слушали:

………..

37. Письмо д-ра Рапопорта <так!>, главн. врача лечебницы в Харькове, где находится дочь Вячеслава Иванова. Крайняя плата за больную может быть назначена в 110 руб.

От Вячеслава Иванова получено 100 руб.

Определили:

………..

Написать В. Иванову, что 100 руб. от него получены в счет пересланных в Харьков 200 руб.[32]

---

[30] Жижиленко Александр Александрович (1873 – после 1930), юрист, ученый-правовед.

[31] Русанов Николай Сергеевич (1859–1939), критик, публицист, политический деятель (сначала народник, потом — эсер).

[32] См. в приложении VII письмо Ф.Д. Батюшкова Иванову с оповещением о получении денег.

Кроме того Комитет ассигновал на дальнейшее лечение его дочери еще 300 руб. на 3 мес. По 100 р. в месяц с 1 марта[33]

Ордер на 300 руб. № 268

<Письмо А.П. Раппепорта к М.Я. Данилевскому>

<На бланке: «Лечебница учрежд. Доктором Медицины Приват-Доцентом Я.Я. Трутовским»[34]>. Машинопись,

23 февраля 1916 г.

Его Высокородию

Доктору Михаилу Яковлевичу Данилевскому

Глубокоуважаемый

Михаил Яковлевич!

Имею честь Вам сообщить, что лечебница, к сожалению, решительно лишена возможности освободить больную Иванову, Александру Вячеславовну, от платы за лечение, но в виду Вашего ходатайства Лечебница все-таки готова пойти в этом отношении навстречу и согласна понизить плату за лечение до крайнего возможного минимума, а именно до 110 р. в месяц. Такое положение, полагаю, может доставить некоторое облегчение матери больной, которая в наступившем новом месяце (с 1 февраля) до сих пор не внесла платы за лечение. Больная Иванова страдает истерическим психозом, по своему болезненному состоянию совершенно антисоциальна и крайне нуждается в систематическом специальном лечении и пребывании в закрытом лечебном заведении не менее полугода.

Благоволите принять уверение в совершеннейшем уважении.

Директор Лечебницы

Доктор Раппепорт.

1916 февраля 22 дня

Приложение: письмо Е.П. Султановой к Е.В. Пономаревой [35]

[33] с 1 марта — *вписано карандашом.*

[34] Официально клиника называлась: Лечебница для нервных и душевнобольных и располагалась по адресу: Харьков, Черноглазовская ул., 7.

[35] Помета, сделанная на письме М.Я. Данилевского к Е.В. Пономаревой (см. ниже), означает, что письмо к Пономаревой было переслано члену Комитета Общества — Е.П. Леткиной-Султановой. Елена Васильевна Пономарева, харьковская общественная деятельница, устроитель народных домов, досуга горожан, попечительства для бедных, участница женского движения. По просьбе своей знакомой Е.П. Летковой-Султановой обратилась к знакомому доктору М.Я. Данилевскому, который прислал ей следующее письмо. Сам М.Я. Данилевский принадлежал к знаменитой семье харьковского фотографа Я.П. Данилевского, его братьями были: академик-физиолог — В.Я. Данилевский, академик-биолог — А.Я. Данилевский и профессор-медик — К.Я. Данилевский.

<Письмо М.Я. Данилевского Е.В. Пономаревой>

Глубокоуважаемая

Елена Васильевна!

Спешу ответить на полученное вчера Ваше заказное письмо.

Вот что я могу передать из переговоров с содержателем лечебницы «имени Д-ра Трутовского» (он умер) А.П. Раппепортом, сказавшем, что никаким образом меньше Ста рублей брать не может в месяц от больной дочери Вячеслава Иванова. Теперь она должна платит 150 руб., следовательно, может сделать уступку самое большее в 50 руб. в мес. В виду того, что она хронически затяжно больная, должна быть выработана возможность о помещении ее не в частной лечебнице, где с малыми деньгами трудно, если не невозможно, устроиться, а в каком-либо казенном земском или общественном патронате. У нас на Сабуровой даче в пансионате была плата 80 руб. в месяц. Теперь же и там стала выше; а в общем земском отделении при тяжелых условиях пребывания помещают только урожденных Харьковской Губернии, при небольшой, правда, месячной плате. О том же, чтобы «даром» где-либо устроить больную и мечтать нельзя. Самое лучшее, если бы настоятельно обратились в «Литературный Фонд» или за длительной материальной помощью или за действительным участием в помещении ее в Петрограде в каком-либо учреждении, куда перевести больную, по словам Д-ра Раппепорта, можно вполне безопасно.

Желаю Вам всего хорошего и в ожидании скоро увидеть здесь и переговорить о «Досуге»[36].

Остаюсь преданный

М. Данилевский.

VII.
Письмо Ф. Д. Батюшкова Вяч. Иванову[37]

7 марта 1916 г. Петербург.

7/III 16

Рыночная 4.

Многоуважаемый

Вячеслав Иванович,

Пересланные Вами сто рубл.<ей> я передал новому казначею Лит. Фонда Русанову (со 2 февр. — новый состав Комитета, председателем которого теперь состоит С. А. Венгеров). В результате переписки с Лечебницей для нервных больных в Харькове выяснились следующие обстоятельства:

[36] Имеется в виду харьковский кружок «Просветительский досуг», созданный товариществом «В.Г. Пономарева и П.П. Рыжова» в 1909 г и просуществовавший до Первой мировой войны. Его опубликованные уставы и отчеты см. в фонде РНБ.

[37] НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 13. Л. 19–20.

прежний директор Лечебницы Трутовский умер.[38] Фирма осталась, но теперь другой доктор во главе — Раппопорт<так!>, который ответил, что он согласен предоставить дочери литератора некоторые льготы, скинув треть платы. Значит, надо платить по 100 р. в месяц. Д-р Раппопорт<так!> считает необходимым пребывание пациента в лечебнице, в виду характера ее недуга, который, однако, может быть излечим. Я уверен, что Комитет возобновит пособие, но нужно будет об этом напомнить Венгерову. Жаль, что Вам не удалось приехать на вечер Английского флага: хотя В.Г. Каратыгин добросовестно прочел Ваш доклад, но все-таки это не равносильно личному выступлению[39].

Искренно уважающий Вас

Ф. Батюшков.

VIII.

Журнал заседания Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым

13 марта 1917 г.

№ 11

Председательствовал: С.А. Венгеров.

Присутствовали: М.И. Ганфман, Н.И. Кареев, Н.А. Котляревский, В.Д. Набоков, Ф.Д. Батюшков

Слушали

……………………

21. Сообщение С.А. Венгерова о том, что В.И. Иванов предполагает уплатить свой долг Фонду из причитающегося ему гонорара за автобиографию (в «[Ист.] Русск. Литерат. XX века»); в связи с этим С.А. Венгеров предполагает до получения ответа от Вяч. Иванова выдать жене г. Ивановой Дмитровской <так!> 100 руб.

Определили:

……………………

Выдать 100 руб. одновременно сообщить об этой выдаче Вяч. Иванову. Ордер № 167.

---

[38] Судя по сведениям ГАКа РНБ, Я.Я. Трутовский умер двумя годами раньше, в 1914 г. (https://search.rsl.ru/ru/record/01003663586), но лечебница продолжала носить его имя. По-видимому, представители Литфонда просили М.Я. Данилевского связаться с Трутовским, но тот, указав в письме, что Трутовский умер, связался с Раппепортом (главой клиники) и переслал в Литфонд его письмо (см. предыдущее приложение VI).

[39] Имеется в виду заседание 29 февраля 1916 г., где был прочитан доклад, который лег в основу статьи «Байронизм как событие в жизни русского духа», вошедшей в сб. «Родное и вселенское» (1917).

IX.
Журнал заседания Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым
4 апреля 1916 г.
№ 17

Председательствовал: Н.А. Котляревский

Присутствовали: М.И. Ганфман, Р.В. Иванов, Н.И. Кареев, В.Д. Набоков, А.М. Редько, Н.С. Русанов, Е.П. Султанова.

Слушали:

…………

45. Иванова-Дмитровская <так!> (жена Вяч. Иванова). Благодарность за посланные деньги с приложением квитанций.

Определили:

………….

Принять к сведению

<Письмо А.М. Дмитревской с квитанциями об оплате на бланке «Лечебница бывш. д-ра Я.Я. Трутовского, приват-доцента Харьковского Университета»>

В Комитет Литературного Фонда

Получив от Литературного Фонда на лечение дочери моей Александры Вячеславовны Ивановой 8 Февраля 1916 года — 200 руб. и 16 марта 1916 года — 100 руб., считаю долгом представить ему четыре квитанции лечебницы д-ра Трутовского на сумму 300 руб., уплаченные мною за ее лечение в течении 2-х месяцев.

Еще раз благодарю за помощь, как оказанную раньше, так и за назначенную вновь в сумме 300 руб., из которых 100 руб. мною получены.

Харьков Госпитальная 20, кв. 6
26 марта 1916 г.

Квитанция № 181
Получено от г-жи Ивановой
за содержание в лечебнице больной А.В. Ивановой
сто рублей
25 февраля 1914 года

Квитанция № 139
То же, что выше

по 1 марта 1914 года
Пятьдесят рублей
29 <sic!> февраля 1914 года
1914 г. — не високосный.

Квитанция № 134
Тоже
Сто рублей
8 февраля 1914 года

Квитанция № 83
То же
От 1-го января 1914 года
Пятьдесят рублей
14 января 1914 года

X.
Журнал заседания Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым

7-го июня 1916 г.
№ 22

Председательствовал: С.А. Венгеров.

Присутствовали: А.А. Жижиленко, В.Д. Набоков, Н.С. Русанов, [Е.П. Султанова], Н.А. Котляревский

Слушали:

………..

8. Иванова-Дмитровская <так!>. Сообщает, что дочь теперь находится в пансионате на Сабуровой даче за уменьшенную плату (в 40 руб.). И благодарит Фонд за помощь и сочувствие.

Вячеслав Иванов прислал 200 р. в счет его долга за содержание дочери (500 руб.).

<Письмо А.М. Дмитревской >

В Комитет
Литературного Фонда

Очень благодарю Комитет Литературного Фонда за присланные мне в начале Мая месяца 100 р., которые я получила.

Моя больная дочь, Александра Вячеславовна Иванова перевезена в начале Марта месяца из лечебницы Трутовского (где она пробыла 3 месяца — с 1 Дек. 1915 по 1 Марта 1916 г.) в пансионат при Харьковской Губернской больнице на Сабуровой даче, где к этому времени освободилось место.

В этом пансионате одинаково хорошо, если не лучше, чем в лечебнице Трутовского.

Как живущая боле 10 лет в Харькове, она пользуется правом на уменьшенную наполовину плату — вместо 80 руб.<лей> надо платить 40 рубл.<ей> Эти деньги берут за содержание и лечение, но все остальное должно быть свое.

Посылаю квитанции за 3 месяца.

Еще раз приношу мою искреннюю и глубокую благодарность Комитету Литературного Фонда за огромную помощь — в 500 рубл., полученную мною в такое тяжелое для меня время, помощь, о которой я никогда не забуду.

Д. Дмитревская-Иванова.

Госпитальная 20, кв. 6 Харьков, 30 мая 1916 года,

Конверт с адресом: Харьков, Госпитальная ул. № 20, кв. 6
Дарии Михайловны Ивановой

Печать: № 345 Конторы Хар. Богоугодного заведения

Вложены три квитанции на бланке Харьковской Губернской Земской Больницы

Все три на поступившие от Д.М. Ивановой 40 руб.

За подписью и. д. старшего врача и бухгалтера

1. Деньги получены 31 марта 1916 по ордеру 253
За лечение в пансионате Александры Ивановой с 1 апреля по 1 мая
Печать: получено 31 март 1916

2. Деньги получены 13 мая 1916 по ордену № 344
За лечение в пансионате Александры Вячеславовны Ивановой с 1 мая по 1 июня с/г.
Печать: получено 13 май 1916

3. Деньги получены 27 мая 1916 по ордеру № 362
За лечение в пансионате Ивановой А.В. с 1 июня по 1 июля с/г.
Печать: получено 27 май 1916

Литература

1. *Богомолов Н.*А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2009. 288 с.

2. Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. III. 480 с.

3. История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгарда-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

4. *Котрелев Н.В*. Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. Вып. 1. С. 562–609.

5. *Кузмин М*. Дневник 1908–1915 / предисл., подг. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Иван Лимбах, 2005. 864 с.

6. *Купченко В.П*. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002. 512 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

To the History of the Murder: from the Commentary on "Autobiographical Letter"

© 2021, N.V. Kotrelev

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Text preparation and comments by © 2021 G.V. Obatnin
***Applications.** Materials from the archive of the Literary Fund.*
Text preparation and comments by © 2021 K.A. Kumpan

Abstract: The article presents a transcription of N.V. Kotrelev's report read in 2016 and dedicated to archival materials revealing the fate of Vyach. Ivanov's first wife, Darya Mikhailovna, and their daughter Alexandra, years after the church dissolution of their marriage in 1896. Over the years, their daughter developed a mental illness. Ivanov was very distressed by descriptions of the course of the disease and accused himself of "murder" of his daughter. In an attempt to help his first wife, who lost her income, Vyach. Ivanov applied for a subsidy and organizational support to the "Literary Fund" and in a letter addressed to the chairman of the fund (F.D. Batyushkov) described in detail the tragic situation. The materials from the archives of the Literary Fund (Manuscript Department of IWL RAS), presented in the appendixes, demonstrate the history of assistance to the Vyach. Ivanov's daughter.

Keywords: Vyach. Ivanov, biography of the writer, "Literary Fund," archival materials, literary life.

Information about the authors: Gennady V. Obatnin — PhD, Associate Professor, Department of Languages, Faculty of Humanities, University of Helsinki, P.O. Box 24 00014, Finland. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9216-8684 E-mail: gennadi.obatnin@helsinki.fi

Ksenia A. Kumpan — employee of the Group for the publication of works by V.I. Ivanov at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; Makarova emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: xkumpan@gmail.com

For citation: Kotrelev, N.V. “To the History of the Murder: from a Commentary on the ‘Autobiographical letter’.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (22), 2021, pp. 225–251. (in Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-22-225-251

References

1. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki* [*Vyacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary Chronicles*]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi Publ., Intrada Publ., 2009. 288 p. (In Russ.)

2. *Viacheslav Ivanov: Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov: Research and Materials*], issue III. Moscow, IWL RAS, Publ. 2018. 480 p. (In Russ.)

3. *Istoriia i poeziia. Perepiska I.M. Grevsa i Viach. Ivanova* [*History and Poetry. Correspondence between I.M. Grevs and Vyach. Ivanov*], publ., research and comm. by G.M. Bongard-Levin, N.V. Kotrelev, E.V. Liapustina. Moscow, ROSSPEN, Publ. 2006. 448 p. (In Russ.)

4. Kotrelev, N.V. “Iz perepiski Viach. Ivanova s Maksimom Gor'kim” [“From the Correspondence between Vyach. Ivanov with Maxim Gorky”]. Lappo-Danilevskii, K.Iu., and A.B. Shishkin, editors. *Viacheslav Ivanov: Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov: Research and Materials*], issue 1. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 562–609. (In Russ.)

5. Kuzmin, M. *Dnevnik 1908–1915* [*Memoirs. 1908–1915*], foreword, text prep. and comm. by N.A. Bogomolova and S.V. Shumikhina. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2005. 864 p. (In Russ.)

6. Kupchenko, V.P. *Trudy i dni Maksimiliana Voloshina. Letopis' zhizni i tvorchestva. 1877–1916* [*Works and Days of Maximilian Voloshin. Chronicle of Life and Works. 1877–1916*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2002. 512 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.10.2021
Одобрена после рецензирования: 05.11.2021
Дата публикации: 25.12.2021

The article was submitted: 21.10.2021
Approved after reviewing: 05.11.2021
Date of publication: 25.12.2021